

Научная статья

УДК 82'1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-1-138-146>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ИЛИ ВЗАИМОПРОНИКАЮЩИЕ НАУКИ?

Валентина Авраамовна Маслова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Витебск, Беларусь

mvavit@tut.by

Аннотация. В статье показано, что идея интегративности в науках оказалась соответствующей духу времени. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология, являясь интегративными областями знания, дополнительно интегрируются друг с другом, что позволяет по-новому посмотреть на говорящего человека, на изучение корреспонденции языка, сознания и культуры в их взаимодействии. Язык, являясь одной из самых сложных семиотических систем, требует к себе интегративного подхода, который может быть реализован путем взаимодействия когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: интегративность, холизм, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, глубинные знания

Для цитирования: Маслова В.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: параллельные или взаимопроникающие науки? // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №1. – С. 138-146. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-1-138-146>

Original article

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUOCULTUROLOGY: PARALLEL OR INTERPENETRATING SCIENCES?

Valiantsina A. Maslava

Vitebsk state university named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

mvavit@tut.by

Abstract. The article shows that the idea of integrativity in the sciences turned out to be in line with the spirit of the times. Cognitive linguistics and linguoculturology, being integrative fields of knowledge, are additionally integrated with each other, which allows for a new look at the speaking person, at the study of the correspondence of language, consciousness and culture in their interaction. Language, being one of the most complex semiotic systems, requires an integrative approach, which can be implemented through the interaction of cognitive linguistics and linguoculturology.

Key words: integrativity, holism, linguoculturology, cognitive linguistics, deep knowledge

For citation: Maslava V.A. Cognitive linguistics and linguoculturology: parallel or interpenetrating sciences? // Linguistics & education, 2025. – Vol. 5 – No. 1. – Pp. 138-146. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-1-138-146>

Введение

Когнитивная лингвистика и лингвокультурология – сравнительно новые

области знания, получившие свое развитие в конце XX века. Обе эти дисциплины объединяют в себе знания из разных наук – от лингвистики, психологии, культурологии, антропологии, социологии до нейрофизиологии, квантовой биологии и физики и др., а потому мы называем их интегративными. Эта общая для всех наук тенденция называется **холизм**. Холизм опирается на следующий принцип: познание целого должно предшествовать познанию его частей.

А тем временем современный человек все более утрачивает целостное видение мира, возможно, из-за специализации, которая навязывается, чуть ли не в начальной школе. Это плохо не только для современной науки, но и для самого человека. Так, профессор С. Савельев пишет: «...глубокая специализация любого вида ставит мозг на грань вымирания» [1, с. 42]. Философия этого явления разработана В.В. Налимовым, который писал: «Взаимосвязано всё, что обретено человечеством на пути становления: рациональное и иррациональное, эстетическое и мистическое...» [2, с. 31].

Цель и методы исследования

Цель данной статьи – показать, что знания, полученные в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, взаимопроникая и взаимообогащаясь, высвечивают новые аспекты проблемы корреспонденции языка, сознания и культуры в их взаимодействии. Для анализа языкового материала использовались методы системного анализа языковых явлений, когнитивный и лингвокультурологический подходы к языку.

Основная часть

Идея интегративности в высшей степени относится к языку – сложнейшей семиотической системе. Французский исследователь К. Ажеж пишет: «лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания...» [3, с. 42].

В русском языке много, на первый взгляд, абсурдных выражений, которые противоречивы с точки зрения здравого смысла, но, тем не менее, понятны всем носителям языка: *Что ни на есть* – это фразеологизм, который

при функционировании языка расширяет свою морфологическую принадлежность, становясь усилительной частицей. Например, *Прошу взять меня хоть на самую что ни на есть черную работу* (Л. Чарских). Многие фразы можно интерпретировать в широчайшем диапазоне: *Для смягчения ударов от падения используются маты*. Правильно понять фразу или текст помогают фоновые знания о мире, ценности, знание культуры вообще и национальной культуры в частности, что подтверждает В.И. Сенкевич: «Функционируя в качестве основного средства коммуникации, язык не может не быть формой проявления культуры» [4, с. 33]. Еще В.В. Налимов писал, что семантическое пространство многомерно, потому что множество слов имеет размытые, диффузные смыслы. Многое понять в данных процессах можно опираясь на когнитивную лингвистику и лингвокультурологию.

Выход из сложившейся ситуации: необходим интегративный подход, который обеспечивает более целостную рефлексию о языке. Интегративность в современных исследованиях называется по-разному: полидисциплинарность, трансдисциплинарность, междисциплинарность, синкретизм и др. Хотя некоторые ученые дифференцируют их (И.В. Измайлов, Л.П. Киященко), но мы используем их как синонимы.

Интегративными, синкретичными являются когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Когнитивная лингвистика пытается ответить на следующие вопросы: «какими типами знания и в какой форме обладает человек, как репрезентировано знание в его голове, каким образом приходит человек к знанию и как он его использует» [5, с. 58]. Когнитивная лингвистика показала, что многие смыслы в языке необъяснимы и противоречивы. Возможно, это происходит потому, что именно глубинные процессы языка не поддаются однозначной интерпретации. Психолингвист и нейролингвист Т.В. Черниговская считает, что язык включает в себя алгоритмы научения и «невычисляемые пласты» [6, с. 64].

Фиксировать и изучать эти глубинные смыслы особенно важно сейчас, когда с помощью языка ведется манипуляция нашим сознанием, т.е. язык становится оружием в гибридной войне [7]. Поверхностный смысл таких слов может быть вполне нейтральным, однако именно глубинные смыслы несут заложенную в словах негативную информацию, стирающую грань между добром и злом и разрушающую русский культурный код. Например, вполне нейтральное выражение *зеленая энергетика* в значении «сектор энергетики, использующий возобновляемые источники энергии – солнце, ветер и т.д.» в качестве глубинных смыслов имеет «прикрытие деиндустриализации и сокращение населения» [7, с. 90].

Традиционная лингвистика также обращала внимание на глубинные смыслы, которые изучались то как проблемы семантики умолчания, подтекст, имплицативность, то как эвфемия, аллюзии, языковая игра и др. Однако по-новому посмотреть на это явление позволяет взаимодействие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

И формирование, и интерпретация глубинных смыслов находятся в зоне интереса не только когнитивной лингвистики, но и лингвокультурологии. Более того, ученые считают, что сквозь призму проблемы «взаимодействие языка и культуры» можно посмотреть на новые результаты всех наук, изучающих человека. И эти общие для них знания содержат частицу каждой из составляющих наук, но там они не имеют той ценности, которую приобретают при интеграции.

Так, только знание русской культуры, ее традиций и обычаев помогает правильно интерпретировать такую, например, фразу: *Неудачник – это тот, кому даже черная кошка уступает дорогу*. Культурные знания здесь – перешедшая дорогу черная кошка несет неудачу. Еще примеры: *После выхода на пенсию свистеть в доме можно сколько угодно*. Культурные знания, необходимые для выявления глубинных смыслов: запрет свистеть в доме, т.к. не будет денег. Социокультурные знания – сравнительно небольшая пенсия, на которую даже свист не способен повлиять. *Работай на скупого – платят*

дважды. Здесь культурная информация – поговорка *Скупой платит дважды*. В силу неопределенности основного смысла допускаются различные ее интерпретации.

Наиболее активно глубинные смыслы порождаются в предложениях с отрицаниями: *Он не мог не сказать*. Здесь два отрицания дают положительный смысл – *он сказал*. Антонимы *умный – дурак* во фразе *Умная женщина сама знает, что она дура* – нейтрализуются. При этом его вторая часть *дура* на уровне глубинного смысла усиливает позитивный смысл первого слова в антонимической паре *умная*.

Еще Л.В. Щерба говорил о том, что чем сложнее мысль, тем больше требуется умения для извлечения ее из форм языка. Именно поэтому приведенная фраза, построенная на противопоставлении *сильный – слабый*, позволяет извлечь различные глубинные смыслы, хотя и требует некоторых познаний мира и больших умений их увидеть: *Слабый пол сильнее сильного в силу слабости сильного пола к слабому*.

Глубинные знания тесно связаны с типом категоризации в лингвокультуре. Тип категоризации, с точки зрения Дж. Лакоффа, определяется несколькими когнитивными моделями: пропозициональной, образом-схемой, метафорической и метонимической. Это когнитивный подход к метафоре.

Кратко проанализируем только одну модель – метафорическую, главной функцией которой является когнитивная. Философ Хосе Ортега-и-Гассет писал об этом так: «Метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удаётся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. <...> Метафора удлиняет «руку» интеллекта» [8, с. 68].

Умение создавать метафоры считается врожденной способностью человека. Постигать сходное в различном – фундаментальное свойство нашего сознания. Некоторые лингвисты даже утверждают, что весь наш язык – это кладбище метафор.

Иногда метафоры и попытки их понять ведут к открытию в науке. Например, метафора *струны души* возникла еще в XV веке при изучении анатомии человека, так назывались сосуды, окружающие сердце (*струны сердца*), а сердце считалосьместилищем души, отсюда – метафора *струны души*. Позднее, на рубеже XIX и XX веков установили, что все, что мы видим – от цветковых струн, а все, что мы слышим – от звуковых. Оба вида струн оказывают влияние на наши эмоции. В конце XX века специалисты по биорезонансу доказали, что, воздействуя на организм определенным спектром звуков разной длины, мы можем вызвать психоэмоциональные сдвиги.

Метафора способна выполнять не только эстетическую функцию – украшать текст, как до сих пор считают исследователи художественного текста: многочисленными метафорами и эпитетами рисует образ языка современный поэт С. Скачко: *Воздушно лёгок, сочен, вкусен, / Суров и нежен, многолик, / Во всех мелодиях искусен / Наш удивительный язык.*

Наиболее интересна для нас креативная функция, позволяющая называть открываемые в разных науках новые явления, для которых пока нет имени в языке: *семантическое пространство, лингвистическое русло, мосты дружбы*. Если не учитывать нового смысла, который рождается из глубинного при соединении двух нейтральных слов, то можно было бы утверждать, что язык метафор – это шизофренический язык: *цифровое государство, цифровой след, социальные сети, свободное плавание рубля, технологический контроль над людьми, утечка мозгов* и др. Однако это не так, потому что метафора – один из главных способов создать новое мирописание. Т.В. Черниговская утверждает, что это тренирует нашу нейронную сеть мозга, причем не только создателя метафоры, но и ее пользователя.

Метафора представляет огромный интерес также с позиций лингвокультурологии, потому что наш менталитет – это совокупность не только природного, но и культурного. Культурная метафора – данный термин ввел американский психолог Мартин Гэннон в 2000-е годы. Это то, с помощью чего мы легче всего попадаем в сети языка.

Есть еще целый ряд лингвистических проблем, при решении которых можно кое-что понять в механизмах появления глубинных смыслов. Это проблемы паронимической аттракции, паронимазийных сближений, проблемы категоризации и концептуализации языка и др. В них нарушается вероятность событий и их значение, что создает неопределенность. Еще А. Вежицкая заметила, что нужно различать полисемию и неопределенность значения. Через проблемы категоризации мы выходим на чувственный опыт человека: «Мы склонны смотреть на язык как на простую технику выражения, не трудясь объяснить себе, что язык – это прежде всего классификация и упорядочивание потока чувственного опыта, которое ведёт к упорядочиванию данного мира» [9, с. 162]. Отсюда следует, что формирование категорий идет на основе осмысления человеческого, опыта, его культурных фоновых знаний, репрезентированных языком.

Механизмы постижения глубинных смыслов лежат в пространстве интересов семантики, в том, как закрепляются в семантике языка те наши знания о мире, которые связаны с культурой. Но речь здесь идет не обо всей семантике, ибо в ней уже многое сделано, причем русской семантической школой, наиболее сильной в Европе (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова и др.). Здесь наш интерес распространяется именно на глубинную семантику языкового знака, текста, которая выходит за рамки лингвистической традиции.

Выводы

Таким образом, на современном этапе развития лингвистики актуальными становятся не узкоспециализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка – человека – культуры. Интеграция их результатов позволяет увидеть то или иное явление языка в новом ключе, открывает новые горизонты у проблемы. Например, в семантике языкового знака начать поиск глубинных смыслов, установить механизмы их появления. Это приведет, в конце концов, к созданию целого интегративного направления, в котором будут объединены результаты,

методы и принципы ряда наук, исследующих проблемы человека и его языкового сознания, проблемы языка, человека и культуры, а также поведения человека в социокультурном пространстве. Но это задача будущего, а на современном этапе лингвокультурология в связке с когнитивной лингвистикой позволяют расширить исследовательскую проблематику, которая детерминирована сложностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание, что способствует получению часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

© Маслова В.А., 2025

Список источников

1. Савельев С.В. Церебральный сортинг / С.В. Савельев. – М.: ВЕДИ, 2016. – 232 с.
2. Налимов В.В. В поисках иных смыслов / В.В. Налимов. – М.: Прогресс, 1993. – 264 с.
3. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
4. Сенкевич В.И. Культура дискурса и логистические аспекты вербального поведения // Лингвистика и образование. 2024. – №. 1. – С. 28-43.
5. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
6. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание / Т.В. Черниговская. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 448 с.
7. Вязинская-Лысова Н.А., Корсар А.С. Зловарь: словарь лукавых слов и понятий / Н.А. Вязинская-Лысова, А.С. Корсар. – М.: Канон+Ю, 2025. – 480 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Просвещение, 1991. – 108 с.
9. Мауро Т.Д. Введение в семантику / Т.Д. Мауро. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 240 с.

References

1. Savel'ev S.V. Cerebral'nyj sorting [Cerebral sorting]. Moscow, VEDI, 2016. – 232 p.
2. Nalimov V.V. V poiskah inyh smyslov [In search of other meanings]. Moscow, Progress, 1993. – 264 p.
3. Azhezh K. Chelovek govoryashchij: Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki [The Man who Speaks: The contribution of linguistics to the humanities]. Moscow, Editorial URSS, 2003. – 304 p.
4. Senkevich V.I. Culture of discourse and logistical aspects of verbal behavior // Linguistics and education. 2024. – No. 1. – Pp. 28-43.
5. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [A concise dictionary of cognitive terms]. – Moscow, MSU, 1996. – 245 p.
6. Chernigovskaya T.V. Cheshirskaya ulybka kota Shryodingera: yazyk i soznanie [Schrodinger's Cat Cheshire Smile: Language and Consciousness]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2017. – 448 p.
7. Vyazinskaya-Lysova N. A. Zlovar': slovar' lukavyh slov i ponyatij [Zlovar: dictionary of evil words and concepts]. Moscow, Kanon+Yu, 2025. – 480 p.
8. Ortega-i-Gasset H. Chto takoe filosofiya? [What is philosophy?]. Moscow, Enlightenment, 1991. – 108 p.

9. Mauro T.D. Vvedenie v semantiku [Introduction to semantics]. Moscow, Intellectual Book House, 2000. – 240 p.

Маслова

Валентина Авраамовна

доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, Витебск, Беларусь
mvavit@tut.by

Maslava

Valiantsina Avraamovna

doctor of philology, professor, Vitebsk state university named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus
mvavit@tut.by